

Инжекция дырок в органические молекулярные твердые тела

© Н.С. Аверкиев, В.А. Закревский, И.В. Рожанский, Н.Т. Сударь*

Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

* Санкт-Петербургский государственный политехнический университет,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: averkiev@les.ioffe.ru

(Поступила в Редакцию 2 сентября 2008 г.)

Предложена модель для описания инжекции носителей (дырок) из металла в органические молекулярные твердые тела. Показано, что полный инжекционный ток ограничен процессом туннелирования между уровнями молекулы и состояниями в металле. Детально исследована роль фононов при туннельном переходе и оценен вклад от таких переходов в полный инжекционный ток в широком интервале температур.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 06-02-17066), научных программ РАН и гранта Правительства Санкт-Петербурга для молодых ученых.

PACS: 72.80.Lc, 72.20.Jv, 73.61.Ph

1. Введение

В настоящее время органические соединения рассматриваются как перспективные материалы для микро- и оптоэлектроники. На их основе разработаны и используются светодиоды и полевые транзисторы. Вследствие значительной величины энергетической щели (3 eV и более) концентрация собственных носителей в таких материалах невысока, так что в слабых электрических полях они являются диэлектриками. Носители зарядов инжектируются из электродов под действием электрического поля. Интенсивность инжекции определяется барьером, формирующимся на границе металл–диэлектрик.

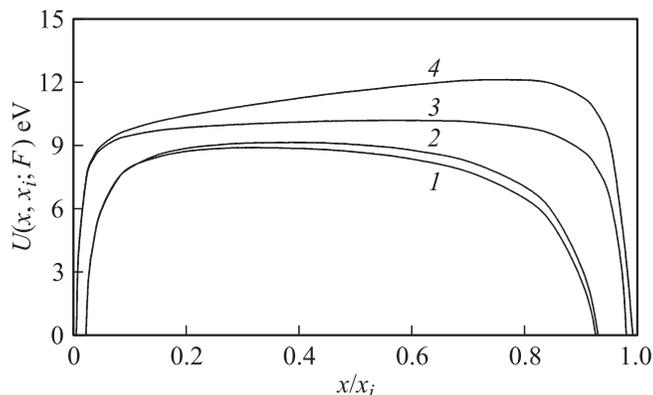
Для описания инжекционных (электронных и дырочных) токов (j_i) из металла в соответствующие зоны неорганических диэлектриков или полупроводников обычно используют уравнения, подобные уравнениям для токов полевой и термоионной эмиссии из металла в вакуум [1]. Вместе с тем такие уравнения без достаточных оснований часто используются и для описания инжекции носителей заряда (как электронов, так и дырок) в органические молекулярные твердые тела (ОМТТ) [2–5], для которых из-за слабости межмолекулярного взаимодействия неприменимы представления зонной теории твердого тела, а проводимость носит прыжковый характер. Поэтому в последние годы все большее внимание [6–11] уделяется рассмотрению вопроса о туннелировании носителей заряда из металла на локальные состояния в органических материалах, для которых характерна высокая концентрация таких состояний с гауссовым распределением по энергии.

Полученные при рассмотрении инжекции электронов результаты обычно применяют и для описания инжекции дырок (см., например, [10]), что представляется не вполне обоснованным, поскольку форма и высота барьеров при инжекции электронов и дырок различны.

Особенности инжекции дырок в ОМТТ впервые обсуждались в [12]. В этой работе инжекция дырок рассматривалась как следствие ионизации молекул, находящихся вблизи поверхности металлического анода, за счет туннельного перехода электрона с верхней заполненной молекулярной орбитали (уровня НОМО) за свободный электронный уровень в металле. При этом предполагалось, что потенциальный барьер на интерфейсе металл–ОМТТ преодолевается электроном одним прыжком. В отсутствие поля барьер формируется за счет кулоновского взаимодействия электрона с дыркой и зеркальными изображениями электрона и дырки в металле. Увеличение прозрачности барьера около металлической поверхности, обусловленное действием сил изображения, приводит к тому, что вероятность ионизации органических молекул вблизи металлической поверхности может быть значительной, в то время как в объеме полимера при том же значении напряженности поля она пренебрежимо мала. Форма барьера в электрическом поле напряженностью F в этом случае определяется выражением [13]

$$U(x, x_i, F) = E_F + \varphi + exF - \frac{e^2}{16\pi\epsilon\epsilon_0 x} - \frac{e^2}{4\pi\epsilon\epsilon_0(x_i - x)} + \frac{e^2}{4\pi\epsilon\epsilon_0(x_i + x)}, \quad (1)$$

где x_i — расстояние от анода, E_F — энергия Ферми электрода, φ — работа выхода электрода. В соотношении (1) первые два слагаемых определяют высоту барьера на интерфейсе в отсутствие поля, третье учитывает влияние электрического поля на энергию заряда на расстоянии x от анода, четвертое — взаимодействие электрона с собственным изображением, пятое — энергию взаимодействия иона с электроном, шестое — взаимодействие электрона с изображением иона. При $x = 0$ и $x = x_i$ это выражение обращается в $-\infty$, поэтому следует считать, что электрон с энергией E падает на барьер не в точках

Рис. 1. Форма потенциального барьера, контролирующего инжекцию дырок из металла в ОМТТ. $F = 500$ (1, 3) и 2000 MV/cm (2, 4). $x_i = 0.6$ nm (1, 2) и 2 nm (3, 4).

$x = 0$ и $x = x_i$, а в точках x_1 и x_2 , являющихся корнями уравнения $E - U(x, x_i, F) = 0$. Очевидно, что ширина барьера в этом случае равна $(x_2 - x_1)$. На рис. 1 изображена форма потенциального барьера, рассчитанная на основании соотношения (1) для $E_F = 5$ eV, $\varphi = 5$ eV и $\varepsilon = 3$, при различных значениях напряженности поля и расстояния от анода. Видно, что в рассматриваемом случае при всех значениях F и x_i барьер по форме существенно отличается от барьера, который рассматривается при анализе процессов электронной эмиссии.

Авторами [12] было показано, что в сильных электрических полях (высокие напряженности поля могут достигаться, например, вблизи микровыступов на аноде) вблизи от анода возможно возникновение области, в которой происходит интенсивная ионизация молекул. К сожалению, зависимости $j_i(F)$ в этой работе не было получено. К тому же в [12] не учитывалось распределение локальных состояний в ОМТТ по энергии.

В работе [14] рассмотрена квантово-механическая задача о переходе электронов с локальных состояний в полимере в непрерывный спектр в полупроводнике или в металле. Автор рассчитал вероятность такого перехода, предполагая, что локальные состояния в полимере являются моноэнергетическими. При этом принималось, что уровень НОМО макромолекул в полимере в отсутствие электрического поля расположен вблизи уровня Ферми электрода. В этой области энергий в металле всегда имеются свободные состояния, на которые возможно изоэнергетическое туннелирование электронов с молекулярных орбиталей ОМТТ (отметим, что такая ситуация не характерна для ОМТТ, в которых потенциал ионизации макромолекул превышает 6 eV, в частности, для большинства полимерных диэлектриков). С учетом этого допущения автором [14] было получено аналитическое выражение для плотности дырочного инжекционного тока. Оно отличается от известного уравнения Фауллера–Нордгейма с треугольным барьером предэкспоненциальным множителем, однако приблизительно линейный характер зависимости $\log[j_{in_j}(F)F^{-2}]$ от F^{-1}

(в координатах Фаулера–Нордгейма) сохраняется и в этом случае.

Целью настоящей работы являлось рассмотрение перехода электронов с уровней НОМО молекул органических материалов в металл (т.е. процесса инжекции дырок) при условии, что данные уровни в отсутствие электрического поля располагаются существенно ниже уровня Ферми в металле. При этом предполагалось, используя изложенные в [12] представления об ионизационном механизме образования дырок в ОМТТ и рассматривая уровни НОМО как локальные состояния с гауссовым распределением по энергии, получить выражения для расчета полевой и температурной зависимостей плотности инжекционного тока в условиях воздействия сильного электрического поля. Отметим в связи с последним, что в современных приборах, например в тонкопленочных органических светодиодах, средняя напряженность действующих электрических полей близка к 10^6 V/cm. Локальная напряженность из-за неоднородности электродов может в несколько раз превышать эту величину. Рассмотрение области сильных полей важно также для решения проблемы электрической прочности органических материалов [15].

2. Теоретическая модель

Расчет туннельного инжекционного тока проводился в рамках теории Бардина [16]. Согласно этому подходу, полный гамильтониан туннельно-связанной системы разбивается на сумму гамильтонианов левой и правой подсистем $H = H_L + H_R$, причем каждый из них соответствует „невозмущенному“ случаю, когда противоположная подсистема отсутствует, т.е. туннельный барьер имеет бесконечную толщину. Собственным состояниям $|L\rangle$, $|R\rangle$ невозмущенных гамильтонианов H_L , H_R отвечают значения энергии E_L , E_R и волновые функции Ψ_L , Ψ_R . В рамках этого подхода туннельный переход формально описывается как некоторое возмущение, имеющее туннельный матричный элемент T . Вероятность туннельных переходов определяется согласно золотому правилу Ферми: $w = \frac{2\pi}{\hbar} |T|^2 \delta(E_L - E_R)$. Туннельный матричный элемент T может быть выражен через волновые функции невозмущенных состояний следующим образом:

$$T = -\frac{\hbar}{2m} \int_{\Omega} (\psi_R^* \nabla \psi_L - \psi_L \nabla \psi_R^*) \mathbf{d}\Omega, \quad (2)$$

где интегрирование проводится по поверхности Ω , разделяющей туннельные подсистемы и расположенной где-нибудь внутри барьера, $\mathbf{d}\Omega$ — вектор, ориентированный по нормали к этой поверхности. Рассмотрим переход с локализованного состояния молекулы органического материала, описываемого волновой функцией $\psi_R(\mathbf{r})$ и энергией E_R , в делокализованное состояние в металле с волновой функцией $\psi_L(\mathbf{r})$ и энергией E_L . Волновую

функцию локализованного состояния в органическом материале будем полагать сферически-симметричной, а зависимость высоты туннельного барьера от координаты учитывать в квазиклассическом приближении

$$\psi_L(\mathbf{r}) = \begin{cases} \frac{c_1}{\sqrt{V}} e^{i\mathbf{k}\mathbf{r}}, & x < x_1, \\ \frac{c_1}{\sqrt{V}} e^{i\mathbf{k}_{\parallel}\rho} e^{-\int_{x_1}^x k_x dx}, & x > x_1, \end{cases} \quad (3)$$

где $\kappa_x(x) = \frac{\sqrt{2m}}{\hbar} \sqrt{U(x) - E}$, $U(x, F, x_i)$ — профиль барьера (1), $E = \frac{\hbar^2 k_x^2}{2m}$, $\hbar$ — постоянная Планка, m — масса свободного электрона, $\mathbf{k}$ — волновой вектор электрона в металле, $\mathbf{k}_{\parallel}$ — проекция волнового вектора на плоскость барьера, k_x — его проекция на ось x , направленную перпендикулярно барьеру, ρ — проекция радиус-вектора электрона на плоскость барьера, V — объем металлического электрода, c_1 — нормировочная константа порядка единицы. Волновую функцию локализованного состояния возьмем в виде

$$\psi_R(\mathbf{r}) = \frac{1}{\sqrt{\pi r_0^3}} e^{-\frac{|\mathbf{r}-\mathbf{r}_0|}{r_0}}, \quad (4)$$

где $\mathbf{r}$ радиус-вектор центра локализованного состояния, r_0 — его боровский радиус. При этом энергия этого состояния, отсчитанная от уровня вакуума,

$$E_0 = -\frac{e^2}{4\pi\epsilon\epsilon_0 r_0}. \quad (5)$$

В качестве поверхности Ω удобно выбрать плоскость yz , расположенную вблизи центра локализованного состояния. Тогда после несложных преобразований получим следующее выражение для матричного элемента:

$$T = \frac{\hbar^2}{2m} \frac{c_1}{\sqrt{V}} e^{-\kappa_{\text{eff}}(x_2-x_1)} \frac{\kappa_{\text{eff}}\sqrt{r_0}}{\sqrt{\pi}} \frac{1}{1+r_0^2 k_{\parallel}^2}, \quad (6)$$

$$\text{где } \kappa_{\text{eff}} = \frac{1}{(x_2-x_1)} \int_{x_1}^{x_2} \kappa dx.$$

Для дальнейшего удобно энергию E отсчитывать от дна зоны проводимости металла; тогда с учетом (5) можно получить

$$T = \frac{ec_1\hbar^2\kappa_{\text{eff}}e^{-\kappa_{\text{eff}}(x_2-x_1)}}{2m\sqrt{\pi}\sqrt{V}} \left(1 + \frac{2me^4}{(4\pi\hbar\epsilon\epsilon_0)^2(E_m - E)}\right)^{-1}, \quad (7)$$

где E_m — уровень вакуума по отношению ко дну зоны проводимости металла; $E_m = ex_i F + E_F + \phi$. Для вычисления полного инжекционного тока необходимо

провести суммирование по всем состояниям металла и полимера с учетом степени их заполнения

$$I = e \frac{2\pi}{\hbar} \sum_{L,R} |T|^2 \delta(E_L - E_R). \quad (8)$$

С учетом изложенного выше уравнение для плотности инжекционного тока прямых туннельных переходов можно записать в виде

$$J = e \frac{2\pi}{\hbar} V \times \int_0^{\infty} dE \int_a^{\infty} dx T(x)^2 Z(E) g(x, E) (1 - f(E)) f_{\text{loc}}(x, E), \quad (9)$$

где $Z(E)$ — плотность состояний в металле, $f(E)$ — функция Ферми в металле, $f_{\text{loc}}(x, E)$ — функция заполнения локальных состояний в органическом материале, $g(x, E)$ — энергетическая плотность локальных состояний в органическом материале, a — минимальная длина туннельного перехода, по порядку величины составляющая несколько r_0 .

Отметим, что рассматриваемая нами ситуация отвечает случаю, когда энергетические уровни состояний в полимере лежат существенно ниже уровня Ферми металла. При этом рассмотренные выше прямые туннельные переходы могут быть значительно подавлены за счет множителя $(1 - f(E))$ в (9); иными словами, в металле может быть недостаточно свободных состояний для изоэнергетического туннелирования электронов из полимера. Важно поэтому оценить вклад неизоэнергетических процессов туннелирования главным образом с участием фононов. Приведем такую оценку на примере одного процесса с участием акустических фононов в металле. Постановка задачи сводится к расчету скорости перехода электрона из локализованного состояния в органическом материале на делокализованное состояние в металле с учетом поглощения акустического фонона в металле. Такой расчет по теории возмущений с учетом туннельного члена и электрон-фононного взаимодействия содержит определенные технические трудности, связанные с тем, что туннельные переходы в модели гамильтониана Бардина имеют место между состояниями с одной энергией и не являются настоящими квантово-механическими переходами, рассматриваемыми теорией возмущений, зависящих от времени. Это приводит к появлению сингулярных энергетических знаменателей во втором порядке теории возмущений. Для расчета скорости туннельных переходов с участием фонона мы применили другой подход. В этом подходе роль туннелирования сводится к инверсионному расщеплению собственных уровней системы металл–органическое соединение на величину T . Последующий расчет скорости электронных переходов под действием фононов производится по теории возмущений первого порядка.

Здесь мы не описываем подробности этих вычислений, приведем лишь конечную формулу для плотности туннельного тока

$$J = V \frac{\pi^2 e \Xi^2 m^2}{s \rho \hbar^4} \int_0^\infty dE \int_a^\infty dx T(x)^2 Z(E) g(x, E) \times \frac{1}{e^{\frac{2\sqrt{2mEs}}{kT}} - 1} \left(1 - f(E + 2\sqrt{2mEs})\right) f_{\text{loc}}(x, E), \quad (10)$$

где Ξ — константа деформационного потенциала, определяющая эффективность взаимодействия акустических фононов с электронами, s — скорость звука в металле, ρ — плотность металла.

Отметим, что $\int_0^\infty g(x, R)[1 - f_{\text{loc}}(x, E)]dE$ соответствует полной концентрации дырок на расстоянии x от анода и, следовательно, определяет условия протекания тока в диэлектрике. В дальнейшем будет рассматриваться частный случай соотношений (9), (10), соответствующий условию, при котором ток, протекающий через диэлектрик, контролируется только электродным процессом, т.е. появляющиеся в ОМТТ дырки мгновенно достигают катода и нейтрализуются на нем; в этом случае можно принять $f_{\text{loc}}(x, E) = 1$.

3. Результаты расчетов и их обсуждение

Вычисление плотности инжекционного тока по (9) и (10) проводилось путем численного интегрирования с использованием программ математической библиотеки IMSL [17]. При вычислении матричного элемента туннелирования в соотношении (7) принималось $c_1 = 1$. Во всех случаях полагалось $\varepsilon = 3$, $E_F = 5$ eV и $\varphi = 5$ eV. Спектр локальных состояний (уровней НОМО) в молекулярном теле предполагался гауссовым, т.е.

$$g(E, x_i) = \frac{N_{\text{loc}}}{\sqrt{2\pi}\sigma} \exp\left\{-\frac{[ex_i F + E_F + \varphi - eI_C - E]^2}{2\sigma^2}\right\}, \quad (11)$$

где σ — дисперсия распределения, N_{loc} — концентрация локальных состояний, I_C — энергия ионизации молекул ОМТТ. Расчеты проводились при $N_{\text{loc}} = 1 \cdot 10^{21} \text{ cm}^{-3}$ и $\sigma = 0.1$ eV.

На рис. 2 представлены зависимости плотности инжекционного тока, рассчитанные для $I_C = 6$ eV и $a = 0.6$ nm для различных температур. Сплошные линии на этом рисунке соответствуют току, рассчитанному по формуле (9), учитывающей только прямые изоэнергетические переходы электронов с уровней НОМО в металл, а пунктирные линии — току, рассчитанному по формуле (10), учитывающей только не прямые переходы, обусловленные поглощением фононов. Видно, что при температуре от 0 до 400 К во всем диапазоне изменения

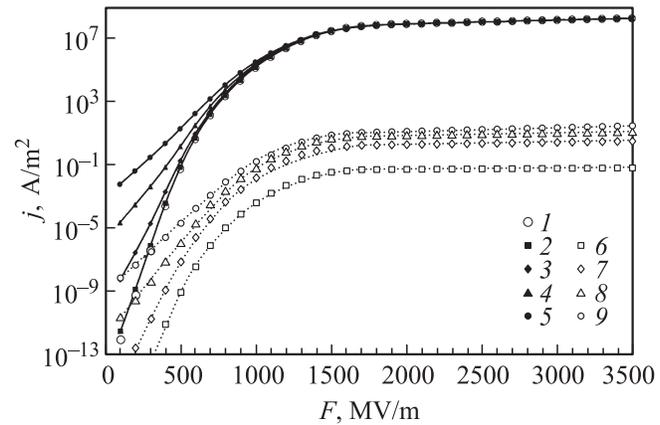

Рис. 2. Зависимость плотности тока от напряженности электрического поля при различных температурах для прямых переходов (сплошные линии) и для переходов с поглощением фонона (пунктирные линии). $T = 0$ (1), 100 (2, 6), 200 (3, 7), 300 (4, 8) и 400 К (5, 9).

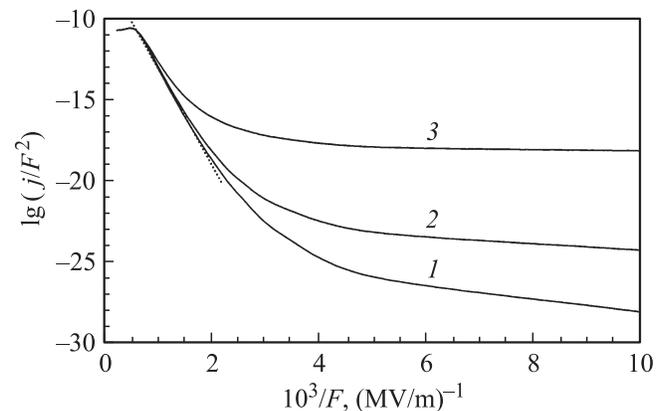

Рис. 3. Зависимость плотности тока от напряженности электрического поля (в координатах Фаулера–Нордгейма) для прямых переходов при различных температурах. $T = 0$ (1), 200 (2) и 400 К (3).

напряженности электрического поля ток, возникающий за счет прямых переходов электронов в металл, существенно превышает ток не прямых переходов. Следовательно, при рассмотрении процессов инжекции дырок из металлических электродов в ОМТТ для расчета плотности тока можно использовать только соотношение (9) и не учитывать не прямые переходы.

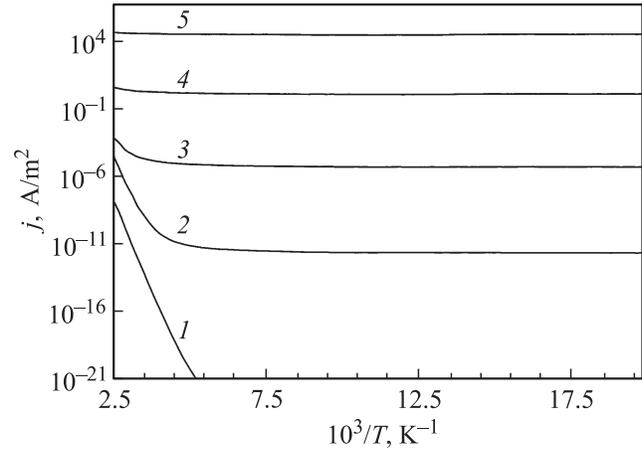
На рассматриваемых зависимостях $j(F)$ можно выделить две характерные области. При относительно невысоких напряженностях поля, когда $F \leq 1500$ MV/m, наблюдается быстрое возрастание плотности тока при увеличении напряженности электрического поля, причем температура оказывает существенное влияние на его величину. По мере увеличения напряженности поля скорость возрастания j уменьшается, и в очень сильном электрическом поле плотность тока слабо зависит от напряженности и практически перестает зависеть от температуры.

На рис. 3 зависимости $j(F)$, рассчитанные для прямых изоэнергетических переходов при $I_c = 6 \text{ eV}$, $a = 0.6 \text{ nm}$ и температурах 0, 200 и 400 К (кривые 1–3), изображены в координатах Фаулера–Нордгейма. Видно, что существует область изменения F (в сильных электрических полях), в которой зависимость $\lg[j_{inj}(F)F^{-2}]$ от F^{-1} близка к линейной. Отметим, что ее протяженность возрастает при уменьшении температуры. Таким образом, для описания вольт-амперной характеристики анода, инжектирующего в ОМГТ дырки, в сильном электрическом поле действительно может быть использовано уравнение типа Фаулера–Нордгейма.

Естественно предположить, что сложный характер зависимости $j(F)$ обусловлен изменением условий туннелирования электронов с уровней НОМО в металл при возрастании напряженности электрического поля и температуры.

При температуре абсолютного нуля, когда все состояния в металле с энергией $E < E_F$ заняты электронами, возможны прямые туннельные переходы электронов в металл только с тех уровней НОМО, энергия которых $E_{НОМО} \geq E_F$. В соответствии с рассматриваемой моделью молекулы ОМГТ располагаются от металлической поверхности на расстоянии $x \geq a$. Для $x = a$ при используемых в данных расчетах значениях E_F , ϕ и I_c максимум плотности состояний $g(E, x)$ будет находиться примерно на 1 eV ниже E_F . Поэтому на таком расстоянии от анода концентрация состояний с энергией, большей E_F , будет весьма незначительна. Она резко возрастает лишь для молекул, находящихся от анода на расстоянии большем, чем $x_0 \approx (I_c - \sigma - \phi)/eF$. При $F = 100 \text{ MV/m}$ $x_0 \approx 10 \text{ nm}$. Очевидно, что туннелирование электронов с таких расстояний в металл маловероятно. При увеличении напряженности электрического поля, с одной стороны, происходит смещение (по шкале энергий) максимума плотности состояний $g(E, x)$ в направлении уровня Ферми, что приводит к резкому увеличению концентрации состояний с $E_{НОМО} \geq E_F$ в близлежащей к аноду области ОМГТ. С другой стороны, уменьшение x_0 обуславливает увеличение прозрачности барьера при туннелировании электронов с молекул, расположенных от анода на расстоянии x_0 , что приведет к существенному возрастанию вероятности их туннелирования.

По мере увеличения напряженности поля все большее число электронов будет способно перейти с уровней НОМО молекул в металл. Напряженность электрического поля, при которой пик гауссова распределения при $x = a$ будет располагаться выше уровня Ферми в металле, можно, по-видимому, рассматривать как граничную напряженность поля, разделяющую первую и вторую область зависимости $j(F)$. В рассматриваемом случае она будет составлять $\sim 1800 \text{ MV/m}$. При дальнейшем увеличении напряженности поля увеличение плотности тока будет связано с незначительным увеличением концентрации локальных состояний с энергией $E_{НОМО} \geq E_F$

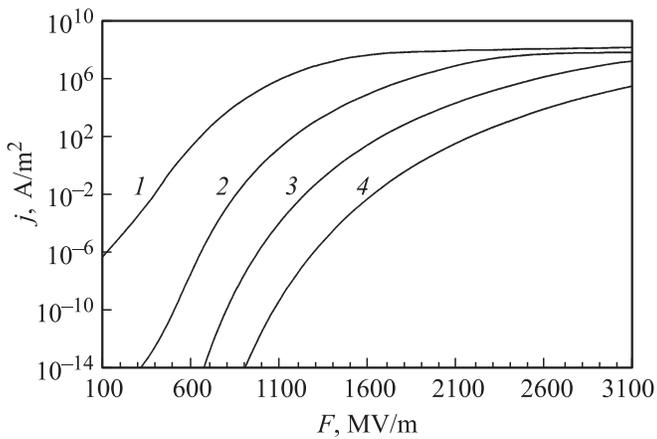

Рис. 4. Зависимость плотности инжекционного тока от обратной температуры при различных значениях напряженности электрического поля. $F = 200$ (1), 500 (2), 700 (3), 1000 (4) и 1500 MV/m (5).

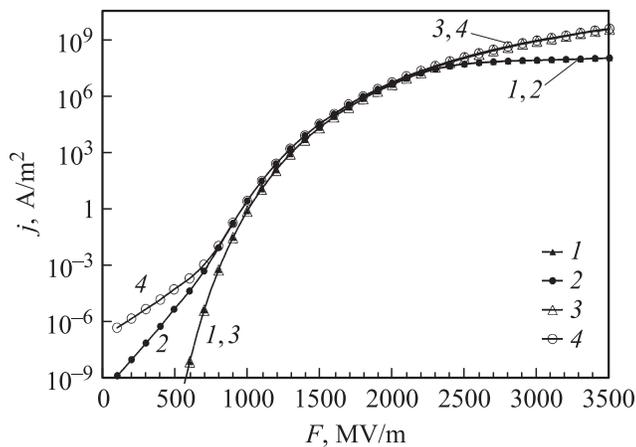
(за счет состояний на „хвосте“ распределения) и возрастанием плотности электронных состояний в металле в соответствии с (11), что, согласно (9), приводит к увеличению j .

При отличной от нуля температуре в металле появляются не занятые электронами состояния с энергией $E < E_F$, на которые могут туннелировать электроны. Следовательно, на расстоянии от анода $x_i < x_0$ появляется некоторое число электронов, способных туннелировать в него с молекул, уровень НОМО которых расположен ниже уровня Ферми в металле. Количество таких электронов зависит от температуры, чем и объясняется ее влияние на плотность инжекционного тока на первом участке рассматриваемой зависимости. Отметим, что в этом случае ширина барьера туннелирования не зависит от напряженности электрического поля, поскольку количество электронов, способных перейти в анод, не определяется местоположением x_0 . Действительно, при возрастании температуры будут способны туннелировать в анод электроны с более близко расположенных к нему молекул, что приведет к резкому возрастанию вероятности туннельных переходов.

При напряженности поля, превышающей граничную напряженность поля (когда значения F соответствуют второй области на зависимости $j(F)$), уровни НОМО практически всех молекул при любой температуре будут располагаться выше уровня Ферми в металле, поэтому температура перестает влиять на величину плотности инжекционного тока. На рис. 4 представлены зависимости плотности инжекционного тока от обратной температуры при различных значениях напряженности электрического поля. Расчеты выполнены при $I_c = 6.5 \text{ eV}$. Видно, что при напряженности поля $F \leq 700 \text{ MV/m}$ (кривые 1–3 данного рисунка) на зависимостях $j(1/T)$ можно выделить две области: область низкой температуры, при которой она слабо влияет на плотность

Рис. 5. Зависимость плотности инжекционного тока от напряженности электрического поля при различных значениях потенциала ионизации молекул. $I_c = 6.0$ (1), 6.5 (2), 7.0 (3) и 7.5 (4).

Рис. 6. Зависимость плотности инжекционного тока от напряженности электрического поля при различных значениях температуры и минимальной длины туннельного перехода. $T = 100$ (1, 3) и 400 К (2, 4). $a = 0.6$ (1, 2) и 0.3 нм (3, 4).

инжекционного тока (зависимость $j(1/T)$ практически горизонтальна), и область относительно высокой температуры, когда зависимость $j(1/T)$ близка к линейной.

При невысоких напряженностях электрического поля максимум функции $g(E, x)$ расположен существенно ниже E_F (при $F = 200$ MV/m и $I_c = 6.5$ eV уровни НОМО большинства близлежащих к аноду молекул будут находиться на ~ 1.5 eV ниже уровня Ферми), поэтому появление в металле свободных состояний — в основном с энергией $E \approx E_F - kT$ — не приведет к заметному увеличению частоты переходов. Однако при дальнейшем увеличении температуры этот эффект будет иметь определяющее значение, о чем свидетельствует близкий к линейному характеру зависимости $j(1/T)$. Отметим, что при $F = 200$ MV/m влияние температуры начинает сказываться при $T > 200$ К (кривая 2 на рис. 4). Можно полагать, что при увеличении напряженности

электрического поля все большую роль начинает играть другой механизм, определяющий увеличение плотности инжекционного тока, а именно увеличение числа локальных состояний с энергией $E_{НОМО} \geq E_F$ молекул, находящихся вблизи от анода, и уменьшение величины x_0 . Это приводит к тому, что с ростом напряженности электрического поля переход к линейной зависимости $j(1/T)$ будет осуществляться при более высокой температуре. Например, при $F = 700$ MV/m (кривая 3 на рис. 4) он наблюдается при ~ 375 К. Наконец, в полях $F > 1000$ MV/m увеличение числа локальных состояний с энергией $E_{НОМО} \geq E_F$ будет иметь определяющее значение; температура перестает влиять на плотность инжекционного тока (кривые 4 и 5 на рис. 4).

Значение потенциала ионизации молекул I_c оказывает существенное влияние на плотность инжекционного тока. На рис. 5 представлены зависимости $j(F)$, рассчитанные при различных значениях I_c для $T = 250$ К. Видно, что при увеличении I_c происходит существенное уменьшение плотности инжекционного тока, но качественных изменений на рассматриваемых зависимостях не наблюдается.

Одним из параметров, используемых при расчетах плотности инжекционного тока, была величина a , определенная как минимальная длина туннельного перехода (связанная с размерами молекул). Отметим, что значение a не только определяло нижний предел интегрирования в соотношениях (9) и (10), но и устанавливало минимальную ширину барьера туннелирования, при которой вероятность перехода электрона с уровня НОМО в металл была наибольшей. Интересно проанализировать ее влияние на характер зависимости $j(F)$.

На рис. 6 представлены зависимости $j(F)$, рассчитанные при $I_c = 6.5$ eV для различных значений a и температур. Видно, что в разных областях изменения F характер влияния a на величину j различен. При относительно слабых полях ($F < 1000$ MV/m) и $T = 100$ К уменьшение величины a с 0.6 до 0.3 нм (кривые 1, 3) не приводит к заметному изменению плотности тока. Для этой температуры оно наблюдается только при $F < 2500$ MV/m, когда уменьшение a приводит к увеличению плотности тока, причем оно тем больше, чем выше напряженность поля. Этот результат свидетельствует о том, что при относительно невысоких напряженностях поля и низких температурах доминируют переходы с локальных состояний, для которых $x_i \geq x_0$ и $x_0 > a$. При более высоких температурах, например при $T = 400$ К (кривые 2, 4), уменьшение a приводит к увеличению плотности тока при $F < 1000$ MV/m, что можно рассматривать как указание на то, что основной вклад в инжекционный ток вносят переходы именно с близлежащих (на расстоянии a) к аноду молекул. Однако с ростом напряженности поля изменение величины a перестает влиять на значение j (при $1000 \leq F \leq 2400$ MV/m кривые 1–4 практически сливаются в одну). По всей видимости, это связано с тем, что в этой области изменения напряженности поля основной вклад вносят переходы

с молекул, для которых $x_i \geq x_0$ и $x_0 > a$. Наконец, при $F > 2500$ MV/m уменьшение a вновь приводит к возрастанию плотности тока, т.е. переходы электронов в металл с близлежащих к аноду молекул вновь начинают доминировать.

4. Заключение

Таким образом, в настоящей работе выполнено теоретическое рассмотрение дырочного инжекционного тока из металла в органические материалы с учетом реальной формы и высоты барьера на интерфейсе металл–ОМТТ. Получены аналитические выражения для туннельного инжекционного тока, описывающие инжекцию дырок из металла в ОМТТ в широких диапазонах температур и напряженностей электрического поля.

Впервые детально рассмотрена роль процессов, протекающих с поглощением фононов. Показано, что инжекционный ток определяется преимущественно прямыми переходами электронов с уровней НОМО молекул на свободные состояния в металле. Вклад в инжекционный ток переходов, обусловленных поглощением фононов, пренебрежимо мал.

Список литературы

- [1] А. Чайнов. УФН **75**, 169 (1961).
- [2] P. Yan, Y. Zhou, N. Yoshimura. Jpn. J. Appl. Phys. **39**, 3492 (2000).
- [3] D. Liu, K.C. Kao. J. Appl. Phys. **69**, 2489 (1991).
- [4] N.R. Tu, K.C. Kao. J. Appl. Phys. **85**, 7267 (1999).
- [5] C. Ganzorig, M. Sakomura, K. Ueda, M. Fujihira. Appl. Phys. Lett. **89**, 263 501 (2006).
- [6] M.A. Abkowitz, H.A. Mizes, J.S. Facci. Appl. Phys. Lett. **66**, 1288 (1995).
- [7] H. Bässler. Phys. Status Solidi B **175**, 15 (1993).
- [8] U. Wolf, V.I. Arkhipov, H. Bässler. Phys. Rev. B **59**, 7507 (1999).
- [9] V.I. Arkhipov, U. Wolf, H. Bässler. Phys. Rev. B **59**, 7514 (1999).
- [10] V.I. Arkhipov, E.V. Emelianova, Y.H. Tak, H. Bässler. J. Appl. Phys. **84**, 848 (1998).
- [11] V.I. Arkhipov, H. von Seggern, E.V. Emelianova. Appl. Phys. Lett. **83**, 5074 (2003).
- [12] В.А. Закревский, Н.Т. Сударь. ФТТ **34**, 3228 (1992).
- [13] А.Л. Суворов, В.В. Требуховский. УФН **107**, 657 (1972).
- [14] T. Quisse. Eur. Phys. J. Ser. B **22**, 415 (2001).
- [15] В.А. Закревский, Н.Т. Сударь. ФТТ **47**, 931 (2005).
- [16] J. Bardeen. Phys. Rev. Lett. **6**, 57 (1961).
- [17] О.В. Бартенев. Фортран для профессионалов. Математическая библиотека IMSL. Диалог-МИФИ, М. (2001). Ч. 3. 386 с.